

ДУСИНА Наталья Викторовна

КАРНАВАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В НОВЕЛЛЕ Э. Т. А. ГОФМАНА "ПРИНЦЕССА БРАМБИЛЛА"

Статья посвящена проблеме карнавального дискурса, которая входит в круг вопросов комической / смеховой литературы и ее производных в широком социокультурном пространстве словесных и внесловесных форм. Новелла Э. Т. А. Гофмана "Принцесса Брамбилла" - яркий пример того, как сюжеты, мотивы и образы римского карнавала, "комедии масок" К. Гоцци трансформируются в сказочной прозе зрелого немецкого романтизма и создают принципиально новую карнавальную реальность, обладающую собственным дискурсом, становящаяся в новелле Гофмана предметом не только художественного, но и философско-эстетического осмысления.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/10-1/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40): в 3-х ч. Ч. I. С. 57-59. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.112.2(045)

Филологические науки

Статья посвящена проблеме карнавалного дискурса, которая входит в круг вопросов комической / смеховой литературы и ее производных в широком социокультурном пространстве словесных и внесловесных форм. Новелла Э. Т. А. Гофмана «Принцесса Брамбилла» – яркий пример того, как сюжеты, мотивы и образы римского карнавала, «комедии масок» К. Гоцци трансформируются в сказочной прозе зрелого немецкого романтизма и создают принципиально новую карнавальную реальность, обладающую собственным дискурсом, становящуюся в новелле Гофмана предметом не только художественного, но и философско-эстетического осмысления.

Ключевые слова и фразы: карнавалный дискурс; немецкий романтизм; новеллистика Э. Т. А. Гофмана; романтическое двоемирие; комедия масок.

Дусина Наталья Викторовна

*Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева
nvdsina14@mail.ru*

КАРНАВАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В НОВЕЛЛЕ Э. Т. А. ГОФМАНА «ПРИНЦЕССА БРАМБИЛЛА»[©]

Идеи выдающегося отечественного мыслителя XX века Михаила Михайловича Бахтина (1895-1975) по-новому воспринимаются на рубеже XX-XXI веков. Многолетняя работа над полным собранием сочинений ученого (1996-2012), результатом которой стало появление извлеченных из архива текстов и новых редакций известных работ, привела, по справедливому замечанию О. Е. Осовского, к тому, что в современной гуманитарной науке наступил качественно новый этап осмысления и дальнейшего развития сформулированных мыслителем идей [10, с. 103-104]. Среди активно разрабатываемых вопросов – проблема словесного оформления комического в различных сферах смеховой культуры и его исторические и современные типы в их литературном и внелитературном пространствах, решение которой потребовало выявления того, как складывалась теория карнавалного сознания и связанных с ним словесных явлений в работах М. М. Бахтина [11-14], как функционирует карнавално-смеховое слово в истории литературы [5; 6], какие формы принимает карнавализация в современной литературной практике [4; 16] и др.

Понятие карнавалного дискурса, относительно недавно появившееся в отечественной науке, корреспондирует с бахтинскими категориями, представленными, в частности, в работах 1930-х – 1960-х годов, в том числе в книге «Творчество Ф. Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» [1]. Карнавалный дискурс представляет собой словесное выражение карнавалного начала, сюжетов, мотивов и образов карнавалов мира и связанных с ним народно-смеховых форм, которые являются воплощением народной смеховой культуры во всей ее исторической изменчивости. «Карнавалный язык, – указывает М. М. Бахтин, – по-разному и в разной степени использовали и Эразм, и Шекспир, и Сервантес, и Лопе де Вега, и Тирсо де Молина, и Гевара, и Кеведо; использовали его и немецкая «литература дураков» («Narrenliteratur»), и Ганс Сакс, и Фишарт, и Гриммельсгаузен, и другие» [Там же, с. 20]. В дальнейшем эта линия, например, в немецкой литературе находит продолжение в творчестве писателей XIX-XX веков: от романтиков (Л. Тик, Э. Т. А. Гофман, Г. Гейне) до Г. Келлера, Т. Манна, Б. Брехта, Г. Гессе, Э. Штритматтера и Г. Грасса. Отмечая особую важность для литературного сознания феномена карнавализации, В. Л. Махлин очерчивает круг явлений, с ним связанный, и включает в него процесс воздействия древнейших античных и средневековых празднеств и ритуалов «на образно-символическое мышление, творческую память и авторство, в особенности во внекарнавалных, неколлеktivно-народных и неофициальных условиях культурного творчества Нового времени» [9, стб. 338].

Особый интерес для исследователя представляет формирование карнавалного дискурса в литературе немецкого романтизма. Под влиянием комедий К. Гоцци, который сохранял и переосмысливал карнавальную традицию комедии дель арте, немецкие романтики, прежде всего Л. Тик с его «комедией чистой радости» [7, с. 76-80], К. Brentano, А. Шамиссо и др. [2, с. 183-234, 317-356], попытались создать в своих произведениях особый карнавалный мир.

Творчество Э. Т. А. Гофмана обладает особым карнавальным характером. Перед читателем, как пишет А. В. Карельский, предстают то «веселые лицедеи комедии масок, то жутковатые оборотни – вихрь карнавала кружится над бездной. Все эти модели художественной структуры собраны, как в фокусе, в итоговом произведении Гофмана – романе «Жизненные воззрения кота Мурра»» [8, с. 14].

«Принцесса Брамбилла» занимает особое место среди сказочных новелл писателя. Это не просто гротескная сатира на жизнь современной автору Германии, как «Крошка Цахес» или «Золотой горшок». Перемещая действие новеллы в Рим, Гофман создает новый сюжетный, эстетический и философский узел, внутренний смысл которого выходит далеко за пределы собственно литературного замысла. В предисловии автор охотно называет источники своего текста: офорты французского художника Ж. Калло, одну из комедий К. Гоцци, а сама атмосфера римского карнавала, во время которого разворачивается действие новеллы, напоминает читателю не только о веселых комедиях Л. Тика, но и о «Римском карнавале» и других произведениях с подобным сюжетом И. В. Гете, о спорах немецких романтиков по поводу иронии и смеха. Но при этом, как отмечает

Ж. Старобинский, «то, что для Гоцци было статичным противопоставлением двух несовместимых полюсов (или трагедия на манер Кьяри, или комедия дель арте), Гофман делает отправной и конечной точками душевной эволюции» [15, с. 377]. В целом философско-эстетическая проблематика составляет важную часть не только рассыпанных по тексту новеллы обращений Гофмана к читателю, но и представляет собой одну из сюжетных линий произведения (см. беседу Челионати с немецкими художниками в начале третьей главы). Римский карнавал в интерпретации Гофмана – апофеоз романтического двоемирия, столкновения «веселой вселенной», фантазии и гротеска с правдой грубой действительности. Специфика карнавального гротеска Гофмана неоднократно упоминалась в книге М. М. Бахтина как высшая ступень гротескного изображения мира немецким романтизмом. В романтическом гротеске, несмотря на определенное ослабление карнавального начала, как указывал ученый, «все основные мотивы, имеющие явно карнавальное происхождение, сохраняют в себе какую-то память о том могучем целом, частями которого они когда-то были. И эта память пробуждается в лучших произведениях романтического гротеска (особенно сильно, но по-разному, у Стерна и Гофмана)» [1, с. 58].

Карнавальный дискурс «Принцессы Брамбиллы» формируется несколькими путями, прежде всего созданием особого карнавального хронотопа, через включение в него соответствующих параметров (время и место разворачивающегося действия – Рим в момент празднования карнавала), карнавального сюжета (поиск карнавальных короля и королевы, в данном случае – принца и принцессы), непосредственно связанных с карнавалом персонажей (актеры, портные, шарлатаны и т.п.), карнавальных шуток и анекдотов и др.

Карнавальный вектор задается с самого начала отсылкой к гравюрам Калло в подзаголовке новеллы и упоминанием завтрашнего карнавала в разговоре юной Джачинты и старухи Беатриче, в котором представлены и все приметы карнавального праздника: переодевание в маскарадные костюмы, карнавальные маски, смена полов и др.: «Помеха ли наша бедность карнавалу? – откликнулась старая Беатриче. – Помнишь, как мы прошлый год носились по улицам с утра до поздней ночи? Я нарядилась *dottore*... У меня был такой важный, ученый вид. Я вела тебя под руку, и ты была прелесть до чего мила в костюме садовницы» [3, с. 92]. Преображение возлюбленного Джачинты актера Джильо Фава в персонаж комедии дель арте, которое сопровождается переодеванием в комический карнавальный костюм, водружением уродливой карнавальной маски с огромным носом и т.д., переводит мелодраматический сюжет любви бедного актера и молодой модистки в пространство карнавального гротеска. Минимое безумие героя позволяет Гофману использовать возможности соответствующей литературной традиции, последовательно пародируя классические образцы от «Неистового Роланда» до итальянской псевдоклассической трагедии XVIII века. Карнавальная буффонада, обилие шуток и острот в духе комедии дель арте, появление ее персонажей на улицах Рима наглядно иллюстрируют ту «первичную карнавально-сказочную интуицию» новеллистики Гофмана, о которой писал М. М. Бахтин [1, с. 563].

Таким образом, карнавальный дискурс играет важнейшую роль в новелле «Принцесса Брамбилла». Римский карнавал, как место и время действия, персонажи и маски комедии дель арте, развенчания-увенчания героев, карнавальные шутки формируют особый тип дискурса, что позволяет писателю подчеркнуть смеховое начало его сказочного мира. Художественные открытия Гофмана в пространстве карнавального дискурса будут иметь продолжение не только у немецких писателей (от Г. Гейне до Г. Мейринка и Г. Гесса), но и в русской прозе: в повестях Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского, в новеллистике «Серрапионовых братьев», А. В. Чаянова, М. А. Булгакова, В. В. Набокова.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Собрание сочинений. М.: Русские словари; Языки славянских культур, 2010. Т. 4. Ч. 2. 752 с.
2. Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. СПб.: Азбука-классика, 2001. 512 с.
3. Гофман Э. Т. А. Принцессе Брамбилла // Гофман Э. Т. А. Щелкунчик и мышиный король: повести / пер. с нем. Н. Аверьяновой. М.: АСТ; Астрель, 2012. С. 89-238.
4. Гудкова С. П., Дубровская С. А., Шаронова Е. А. Система персонажей романа Захара Прилепина «Патологии» сквозь призму карнавализации // Вестник Пятигорского лингвистического ун-та. 2013. № 4. С. 191-195.
5. Дубровская С. А., Гудкова С. П. Гоголевское «смеховое слово» в литературном сознании поэта-современника // Вестник Университета Российской академии образования. 2010. № 1. С. 24-27.
6. Дусина Н. В. Карнавальный дискурс: проза Гете («Римский карнавал») // Гуманитарные науки и образование. 2013. № 2 (14). С. 81-85.
7. Жирмунский В. М. Из истории западноевропейских литератур. Л.: Наука, 1981. 303 с.
8. Карельский А. В. Эрнст Теодор Амадей Гофман // Гофман Э. Т. А. Собр. соч.: в 6-ти т. М.: Худож. лит., 1991. Т. 1. С. 5-26.
9. Махлин В. Л. Карнавализация // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПК «Интелвак», 2001. Стб. 338-340.
10. Осовский О. Е. Бахтин вчера сегодня, завтра: к завершению издания собрания сочинений М. М. Бахтина // Гуманитарные науки и образование. 2013. № 2. С. 101-106.
11. Осовский О. Е. Рецензия на кн.: И. Л. Попова. Книга М. М. Бахтина о Франсуа Рабле и ее значение для теории литературы // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2012. Т. 71. № 2. С. 76-80.
12. Осовский О. Е. Рабле, карнавал и карнавальная культура в работах М. М. Бахтина 1930-1950-х гг. // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2002. № 1. С. 59-74.
13. Осовский О. Е., Дубровская С. А. Разработка концепции «смехового слова» в трудах М. М. Бахтина 1930-1960-х гг. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 4-1. С. 163-167.
14. Попова И. Л. Книга М. М. Бахтина о Франсуа Рабле и ее значение для теории литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 464 с.
15. Старобинский Ж. Поэзия и знание. История литературы и культуры: в 2-х т. М.: Языки славянских культур, 2002. Т. 1. С. 376-394.
16. Шаронова Е. А., Гудкова С. П., Дубровская С. А. Война как карнавал смерти (на материале романа З. Прилепина «Патологии») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 6-1. С. 204-207.

CARNIVAL DISCOURSE IN THE NOVEL BY E. T. A. HOFFMANN "PRINCESS BRAMBILLA"

Dusina Natal'ya Viktorovna

*M. E. Evseyev Mordovian State Pedagogical Institute
nvdusina14@mail.ru*

The article is devoted to the problem of carnival discourse which enters the circle of problems of comical / humorous literature and its derivatives in the wide sociocultural space of verbal and non-verbal forms. The novel by E. T. A. Hoffmann –Princess Brambilla” is a striking example of how the subjects, motives and images of a Roman carnival, C. Gozzi’s –comedy of masks” are transformed in a fabulous prose of a mature German romanticism and create a cardinaly new carnival reality with its own discourse becoming in the Hoffmann’s novel a subject of not only artistic but a philosophical and esthetic interpretation.

Key words and phrases: carnival discourse; German romanticism; E. T. A. Hoffmann’s novelistics; romantic two-worldness; comedy of masks.

УДК 81'374; 811.1'373.6

Филологические науки

В статье описывается семантическая сфера «Окружающая среда» заимствований из английского языка, представленная в виде поля с центром и периферией. Сфера включает в себя 4 тематические группы: «Живая природа», «Неживая природа», «Экология» и «Постройки». Группы, в свою очередь, подразделяются на подгруппы, в которых выявлены единицы, принадлежащие разным сегментам поля в соответствии с выделенными критериями. Поля данной семантической сферы наслаиваются на поля двух других сфер («Человек» и «Артефакты»), образуя стратифицированное языковое пространство «Англицизмы русского языка».

Ключевые слова и фразы: семантическая сфера; тематическая группа; англицизм; заимствование; окружающая среда; поле.

Дьяков Анатолий Иванович, к. филол. н., доцент**Дейкина Светлана Сергеевна***Сибирский университет потребительской кооперации
foreign@sibupk.nsk.su***АНГЛИЦИЗМЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ «ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА»[©]**

В последние десятилетия интенсивный процесс импорта английских языковых единиц в русский язык вызывает к необходимости их лексикографического фиксирования и системного описания. Существующие словари англицизмов, составленные Т. В. Максимовой в 1998 году – Словарь англицизмов (50-е – 90-е гг. XX в.) [10], М. Ю. Семеновой в 2003 году – Словарь англицизмов (276 с.) [14] и А. И. Дьяковым в 2010 году – Словарь английских заимствований русского языка (588 с.) [7], не являются полными. Современный процесс заимствования характеризуется, помимо интенсивности, стремительностью вхождения англоязычных единиц в узус русского человека, например, словосочетание «Гарлем шейк», номинирующее музыкальное направление и появившееся в 2013 году, стало популярным благодаря интернету, и в русских поисковых системах можно найти несколько миллионов сайтов, упоминающих его.

Нами собрано и систематизировано около 14000 англицизмов, и это далеко не полный объем функционирующих в русском языке английских заимствований.

Мы считаем, что англицизмы в русском языке можно описать как обширное поле (макрополе), включающее множество лексических, понятийных, ассоциативных взаимозависимых микрополей. В этом случае мы термин «поле» понимаем расширительно, учитывая в наличии данного пространства ядра и периферии по отношению к степени освоенности английских слов, то есть мы применяем к изучаемому пространству полевой подход. Под термином «поле» подразумевается также структурная модель или способ систематизации лексики.

Мы уточняем критерии распределения заимствований по секторам макрополя: помимо фонетической, графической, морфологической, семантической и деривационной адаптации англицизмов, имеют значение такие взаимосвязанные с ассимилированностью факторы как кодифицированность, частотность употребления в речи, отсутствие однословного эквивалента в русском языке, социальная значимость явления, номинированного англицизмом, долговременность существования в узусе русского человека, долгосрочный потенциал существования в русском языке, наличие полифункциональности и непринадлежность к сленгу [6, с. 93-97].

Мы распределили англицизмы по трем семантическим сферам: «Человек», «Артефакты», «Окружающая среда», которые включают в себя объединения разного порядка: тематические группы, которые по структурным характеристикам можно назвать «полями», подгруппами (субполями) и минигруппами. В этом пространстве есть настоящие (по содержанию) поля – семантические и лексические.